

А. Е. Мурзинцева

Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств
ул. Терешковой, 1, Улан-Удэ, 670031, Россия
E-mail: masash@inbox.ru

СПЕЦИФИКА И ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ СИБИРИ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

В сети музеев Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН) количество музеев традиционной культуры не столь велико, по сравнению с естественнонаучными и мемориальными. Однако профильная специфика этих музеев и их активность в инновационной сфере вызывают к ним особое внимание.

Н. А. Томилов отмечает развитие в нашей стране на современном этапе этнографических работ на стыке с музееведением. Более того, он напрямую соотносит рост объема этнографических исследований в Сибири в последние десятилетия с расширением этнографической направленности в деятельности музеев [16]. Данный тезис равно актуален и для сибирской археологии. «Археологическое музееведение» и «этнографическое музееведение» являются уже устоявшимися терминами. Спецкурсы по этим предметам читаются в вузах, музееведческие секции регулярно работают в рамках археологических и этнографических конференций. Археолого-этнографические музеи СО РАН активно участвуют в этих процессах. Число публикаций о них, как с музееведческой, так и профильной позиции, постоянно растет [2; 6; 8; 10; 11 и др.].

С точки зрения теории коммуникации, спецификой академических музеев по сравнению с другими музейными формами является выстраивание двух основных коммуникационных направлений. С одной стороны, это взаимодействие с сотрудниками академии наук, учеными, деятельность которых является основным источником пополнения фондов, т. е. развития академического музея.

С другой стороны, современный академический музей – это важный инструмент самопрезентации научной культуры, все более широко используемый для коммуникации с широкими культурными кругами.

Для исследователей древних и традиционных культур Сибири музей и его фонды, в первую очередь база данных, – «кладовая» источников. Музеи РАН – хранители значительных собраний, являющихся результатом научных исследований, проводимых ее специалистами на протяжении нескольких столетий. В свою очередь, музееведение заимствовало из методологии культурно-антропологических исследований целый ряд положений, особенно в рамках теории музейного предмета. В качестве материального объекта музейный предмет имеет характеристики вещи, результата человеческой деятельности. С точки зрения семиотики, безымянный объект превращается в вещь, когда человек дает ему имя. Один и тот же предмет может носить разные имена, названия и тем самым иметь различную ценность для разных людей. Вещь – это нечто, несущее весть, информацию о чем-то.

Методология культурно-антропологических и археологических исследований выстраивает определенный ряд «жизней» вещи, которые та выполняет функционально. Первым этапом является изготовление, именование – собственно, появление вещи как таковой. Вещь становится субъективированным объектом, или артефактом. Количество потенциальных этапов («жизней») вещи ограничивается только ее физическим износом. Один из них – когда вещь, уже в статусе ар-

тефакта, попадает в поле зрения исследователя. Поскольку основным источником пополнения собрания академического музея являются исследования ученых академии наук, то и предметы, коллекции, поступающие сюда, практически все проходят этот этап. К «полям значений», заключенным в предмете, добавляется информация, характеризующая определенный уровень развития научного знания (через призму которого ученый рассматривает предмет), а также ракурс личного подхода исследователя к феномену, выраженному в объекте его исследований. Контекстом для предмета служит коллекция, комплекс вещей, объединенных исследователями по какому-либо признаку. Помещение предмета в музей отделяет его от прежнего контекста, располагает к раскрытию и восприятию его как культурной ценности [12].

Приведенные выше аспекты отношений «исследователь – музей» в основном укладываются в рамки источникового подхода к феномену музея. Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что роль фондохранилища – не единственная возможная для научного музея. Музей соединяет в себе хранительскую и исследовательскую функции, наряду с просветительской и образовательной, реализуемые через традиционную экспозиционную и культурно-просветительскую работу.

Главным направлением развития мирового музееведения последних десятилетий является утверждение приоритета интересов человека, как главного потребителя и самой цели существования музеев. Для посетителей музеи являются окном для диалога «во времени и в пространстве» с представителями разных культур и субкультур; эта черта социокультурного предназначения музея становится ведущей. Она закреплена в соответствующих международных документах, принятых странами-членами ЮНЕСКО. Одной из традиционно участвующих в процессах музейной коммуникации субкультур являются представители науки. В наиболее широком смысле музей позволяет им транслировать, распространять, делиться с другими культурными группами своим мировосприятием, определяемым научным видением мира. Именно музеи стали одной из наиболее эффективных форм коммуникации для данной субкультуры [13].

Принципиальной чертой академического музея в отличие от других музеев является качество представляемой информации – ее новизна, актуальность, достоверность. Научный музей является не только более наглядной, доходчивой формой представления информации по сравнению с печатными изданиями, но и воспринимается как более достоверный источник, поскольку основной единицей его деятельности является музейный предмет – факт культуры, а не умозрительные построения. Рейтинг надежности информации в музеях, и тем более академических, как свидетельствуют исследования американских ученых, выше, чем у учебников и кинофильмов.

Внутри проблемы самопрезентации научной субкультуры через музеи особым пунктом является вопрос поиска адекватного языка, способов и форм коммуникации, которые наиболее точно характеризуют субкультуру, но при этом пригодны для общения не только внутри нее, но и с представителями других культурных групп. Вопрос актуален не только для академических музеев, поскольку коммуникативные процессы между наукой и обществом целенаправленно наращиваются в последнее время (например, в форме научно-популярных статей, книг). В музеях поиски своего стиля наталкиваются на две диалектические пары: сочетание исследовательского и развлекательного, а также научного и художественного.

В современной реальности границы художественного и нехудожественного предельно релятивизированы. Наблюдается тенденция междисциплинарного сотрудничества и шире – взаимопроникновения двух культур: культуры научного видения и искусства. Мнение о том, что экспозиция представляет собой сплав науки и искусства, утвердилось достаточно прочно. Но способы организации такого союза, понимание его сущности требует разработки. Отметим здесь, что любое научное построение, даже в математике, тем более в гуманитарных дисциплинах, достаточно условно и несет на себе отпечаток личности автора. Во-вторых, и научный, и художественный элементы в музее содержат единый смысл. В построении экспозиции сливаются законы рассудка и художественного чувства, т. е. наука и художественность. Как трактуют это дизайнеры-экспозиционеры, если мысль ученого может быть выра-

жена в любой форме (от этого ее существо не изменится), то решение пространства может существовать, как всякое художественное решение, в одной единственной форме [15]. Поэтому участие художника в создании научной выставки позволяет значительно увеличить привлекательность музейной продукции без ущерба для ее информационного содержания. Напротив, художественное оформление выставки позволяет максимально задействовать органы чувств посетителя, поднимая уровень восприятия информации.

Американский музеолог А. Э. Парр противопоставляет развлекательную функцию музея его научному, исследовательскому значению. Он выделяет четыре основные группы функций естественно-научного музея. На одном конце шкалы располагаются функции, способствующие или производящие научные исследования. На другом конце – его чисто развлекательное значение. Между ними находится музейное обслуживание образовательного процесса в других образовательных учреждениях, а также его собственные независимые образовательные программы [18]. Смещение акцента в деятельности музея к одному из экстремумов определяет его социальное назначение, миссию музея. С этой точки зрения академические музеи позиционируются максимальным акцентированием исследовательской функции и почти полным невниманием к развлекательной.

По мнению западных музеологов, наука сама по себе интересна и захватывающая, поэтому, фактически, нет необходимости в каких-либо завлекательных маневрах, чтобы побудить человека познакомиться с ней поближе. Научный метод, базирующийся на принципах объективности, разумности и диалектики, сам по себе является наиболее эффективной и приемлемой концепцией выставок и продуцирования музеографических установок [3].

Для зарубежной науки коммуникация с обществом посредством музейных технологий – задача сравнительно новая, тогда как в нашей стране она ставилась и успешно решалась еще в начале прошлого столетия [1]. На современном этапе зарубежные музеологи аргументируют актуальность научных музеев несколькими факторами. Как пишет английский философ Дж. Займан, в исследовательскую культуру повсеместно внедряет-

ся «норма полезности», ожидаемые и предполагаемые открытия заранее оцениваются с коммерческой точки зрения. В свое оправдание такие кажущиеся бесполезными науки, как астрофизика или классическая археология, должны доказывать обществу свою «культурную ценность» [7]. И научный музей оказывается в этом случае не только доходчивым, но и достоверным источником информации.

Музейная сеть СО РАН – самая крупная из региональных подразделений сети музеев РАН. Сибирские академические музеи обладают как наиболее типичными чертами музеев Академии наук, так и индивидуальными особенностями, выделяющими их из общей совокупности. Формирование СО РАН и его музейной сети относится ко второй половине XX в., однако этот процесс имеет свою предысторию, складывавшуюся из двух векторов: российской научной школы, в досоветский период развивавшейся преимущественно в центре страны, и краеведческого движения в самой Сибири.

Кунсткамера, а затем узко специализированные академические музеи в Санкт-Петербурге в XVIII–XIX вв., действовали как систематизированные «каталоги» соответствующих областей знания, на базе которых сотрудники академии работали с коллекциями. Просветительская функция, изначально заложенная в них, постепенно теряла свое значение. Организация научных институтов на базе академических музеев в 1930-е гг. закрепило направленность работы на решение внутридисциплинарных вопросов, тогда как внешняя музейная коммуникация (экспозиционная, просветительная работа) оказалась в подчиненном положении и рассматривалась как необязательная.

В Сибири в XIX в. возникновение и функционирование музеев было напрямую связано с Императорским русским географическим обществом, в работе которого академия наук принимала активнейшее участие [9]. Музеи служили базой для многочисленных научных экспедиций, организовывавшихся Академией наук для изучения Сибири и Центральной Азии. Материалы этих экспедиций составляют значительную часть собраний центральных музеев АН. Не менее интенсивно пополнялись фонды музеев на местах. В этот период сформировалась такая специфическая черта сибирских научных музеев,

как региональная направленность собраний. После национализации музеев Географического общества участие АН в их развитии продолжилось не менее продуктивно [4].

В созданном в 1957 г. СО АН СССР основной программой было определено комплексное освоение природных ресурсов Сибири, с чем связано преобладание среди региональных музеев СО РАН естественно-научной, в первую очередь, геологической тематики. Историко-культурные (археологические, этнографические) музеи стали появляться в филиалах Академии наук с конца 1960-х гг. В настоящее время из 32 музеев и музейных объектов СО РАН профиль археологии и этнографии имеют четыре музея, причем два из них находятся в ведении Института археологии и этнографии (ИАЭТ) в Новосибирске: это Музей истории и культуры народов Сибири и Историко-архитектурный музей под открытым небом. В Омске Музей археологии и этнографии находится в ведении Омского филиала Объединенного института истории филологии и философии (ОФ ОИИФФ) и Омского государственного университета (ОмГУ).

В Бурятском научном центре (БНЦ) СО РАН этот профиль реализуется в деятельности Музея БНЦ, а также Хранилища восточных рукописей Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) – учреждения музейного типа, во многом сходного по своей деятельности с музеем. Следует отметить, что входящий в структуру Хранилища мемориальный кабинет-библиотека известного ученого-востоковеда П. Б. Балданжапова в ИМБТ – единственный мемориальный объект в СО РАН, посвященный ученому-гуманитарию.

Одной из характерных черт академических музеев является разнообразие подходов к работе, отражающее, с одной стороны, изменчивость развивающейся науки, а с другой стороны, личностный фактор, имеющий большое значение в научной культуре. Все перечисленные музейные формы имеют свой индивидуальный ракурс, дополняя друг друга и позволяя отобразить разнообразие направлений исследований сибирских ученых.

Музей истории и культуры народов Сибири ИАЭТ, созданный в 1968 г., по представительности собрания сопоставим с крупнейшими музеями мира. Здесь представлены

практически все основные результаты археологических исследований в Сибири за последние полвека, дополненные значительной этнографической коллекцией. С 1970-х гг. за музеем закрепились роль «визитной карточки» гуманитарного профиля Новосибирского научного центра, чему способствовало постоянное внимание академика А. П. Окладникова (основателя музея). Следствием этого стала активная выставочная деятельность музея, в том числе за рубежом [2]. По этому направлению он опережает практически все другие научные музеи Сибири, за исключением, возможно, Байкальского музея СО РАН.

Археологические и этнографические коллекции – один из наиболее привлекательных выставочных материалов. В отличие от технических достижений и естественно-научных материалов предметы материальной культуры являются более понятными и близкими образами для любого человека, даже не имеющего специальной подготовки. Среди очевидных плюсов выездных выставок – огромная аудитория и всплеск зрительского интереса, издание буклетов и путеводителей. Однако транспортировка негативно отражается на экспонатах. По этой причине большинство музеев мира вывозит только копии древних предметов [2]. И интерес за рубежом к сотрудничеству с российскими музеями связан в значительной мере с тем, что они соглашаются экспонировать подлинники. Издержки, связанные с повреждением или невозвращением экспонатов в музей вследствие недостаточной физической или юридической защищенности экспонатов, известны. Изготовление копий музейных предметов для других музеев и в качестве сувениров, как показывает практика музея ИАЭТ и музея БНЦ, – возможная альтернатива вывозу древних оригиналов.

Как отмечают специалисты, научные музеи в большинстве случаев представляют для участия в подобных проектах только коллекцию, на основе которой экспозиционеры принимающей стороны и создают выставку как особое научно-художественное произведение [14]. Коллекционные выставки сравнительно недороги и просты по своей организации. Однако эффективность представления не коллекции как материала для выставки, но целостной концептуальной разработки, демонстрирует опыт нека-

демических музеев аналогичного профиля, в частности Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (ТГУ). Подготовленные им передвижные выставки «Древняя пластика Сибири», «Индейцы Северной Америки», «Русский лубок XIX века», «Произведения церковного искусства», «Древняя история Западной Сибири» постоянно приглашаются в краеведческие музеи региона (<http://www.tsu.ru/win/archeo>).

Музеем БНЦ в 2003 г. был разработан проект «Пояс – Вселенная кочевника» для V Красноярской международной музейной биеннале (авторы Л. В. Лбова, Л. Н. Дудинова и Н. К. Комарова). В выставке были соединены археологические, этнографические материалы и современное искусство, демонстрирующие преемственность традиций кочевых народов на протяжении тысячелетий [5]. Выставка вызвала интерес своей концепцией, дизайнерским решением, номадическим колоритом и заняла первое место в номинации «Историческое воображение». Дальнейшим развитием проекта стали выставки в Москве (2004 г.) и Брюсселе (2005–2006 гг.).

Выставка «Вселенная кочевника» в Музее народов Востока в Москве была организована совместно со скульптором Даши Намдаковым. В нее вошли образцы торевтики бронзового, железного веков, традиционной бурятской культуры, а также современная ювелирная коллекция, творчески интерпретирующая культурный опыт предков (куратор выставки Н. П. Комарова). Для фестиваля «Европалия» в Бельгии совместно с Музеем истории Бурятии и Кяхтинским краеведческим музеем была подготовлена выставка «Азиатские хунну», также основанная на коллекции металла раннего железного века (авторы концепции Л. Г. Ярославцева и В. И. Ташак). Во всех трех проектах сотрудничество академического музея с музеями Министерства культуры и представителями творческих кругов дало новые возможности для популяризации научных исследований.

Второй музей ИАЭТ в Новосибирске – Историко-архитектурный музей под открытым небом [9]. В музеях под открытым небом более чем в других акцентирована рекреационная функция; при этом недвижимый характер памятников не позволяет широко развивать дистантные формы посещения музея

(выездные выставки). Перспективы своего развития музей определил в партнерстве с образовательными учреждениями. Волонтерская помощь школьников и студентов в обустройстве территории сочетается с образовательными программами, предлагаемыми им музеем.

Развлекательные мероприятия в просветительских музеях – коммерчески привлекательный проект, охватывающий аудиторию большую, чем классическая экскурсия. Археологические деревни, этнографические праздники, фестивали исторической реконструкции демонстрируют в большей мере элементы китча, масскультуры, чем научно обоснованные представления о жизни народов в прошлые века. Использование академическим музеем развлекательных методик – вопрос, решаемый каждым из них самостоятельно. Грань между открытостью научного музея, ориентацией на «широкие слои населения» и потерей своего уникального характера, обезличиванием определяет только при помощи здравого смысла.

Музей БНЦ в рамках образовательной работы, помимо традиционных экскурсий и лекций для школьников и студентов, служит базой практик студентов факультета Музейного дела и охраны памятников Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств (ВСГАКИ) (археологической, фондовой, экспозиционной, управленческой). На сегодня можно говорить о сложившейся роли музея БНЦ как методического центра в области музееведения в Бурятии.

Музей археологии и этнографии ОФ ОИИФФ и ОмГУ в еще большей мере инкорпорирован в образовательную сферу, но по иному принципу. Он изначально формировался как вузовский музей и только на более позднем этапе перешел в соподчинение университета и РАН. В реализации задач учебного музея задействована, главным образом, экспозиция (курсы «Этнология», «Археология России», «Музееведение»), на базе которой проводятся практические занятия [11]. Еще один уровень – работа специалистов непосредственно с фондами музея, которые стали базой для разработки методик классификации и каталогизации этнографических коллекций. Основным итогом исследований – публикация более 20 томов каталогов музея (печатных и электронных) [17].

Вопрос о необходимости каталогизации академических коллекций стоит постоянно, однако пример омского музея – один из немногих действительно успешных проектов в этой области. Создание электронных музейных каталогов не только как формы публикации коллекций, но и средства оперирования музейными фондами, позволяет оптимизировать их учет и хранение.

Система учета фондов, принятая Министерством культуры, оформленная в виде «Инструкции по учету и хранению музейных ценностей» (1984 г.) и закреплённая законодательно в СССР и РФ, до сих пор не внедрена в полной мере в Академии наук. Без этого юридический статус и юридическая защищённость музейных предметов остаются не вполне определёнными, не говоря вообще о проблеме юридического статуса академических музеев.

Отдельным сюжетом является вопрос авторского права в отношении музейных предметов и коллекций. Их авторами являются одновременно исследователи, открывшие эти предметы для науки, и музей как коллективный создатель музейных коллекций, в контексте которых музейный предмет обретает свою современную ценность. Естественным способом реализации авторских прав и тех и других в научных кругах является обязательная ссылка на авторов при публикации. Однако в наше время музейные предметы оказываются объектами денежных отношений в случае использования их изображений в коммерческих целях – изготовления разнообразной сувенирной продукции. Для предметов материальной культуры это наиболее острый вопрос, тем более что сокровища сибирских научных музеев получают все большую известность в мировом масштабе. Отношения музея и автора научного открытия с бизнесменами номинально прописаны в российском законодательстве, однако на практике не получили должного упорядочения. Поэтому развитие нормативной базы академии наук в отношении ее музеев следует признать остро актуальным.

Цели обеспечения физической сохранности музейных предметов при их популяризации служат Интернет-технологии. Они открывают практически неограниченные возможности увеличения так называемой дистантной посещаемости музеев. Представительство в мировой электронной сети музеев

СО РАН – одно из приоритетных направлений работы. Электронные музейные ресурсы имеют два основных типа: виртуальные музеи и сайты музейных организаций.

Наиболее значительными являются разработки виртуальных музеев. Музей «Древняя история, культура и искусство Северной Азии» ИАЭТ (http://sati.archaeology.nsc.ru/gen-i/virtual_e.htm) посетители называют лучшим археологическим ресурсом Рунета. По форме жанр виртуального музея – это каталог изображений. В данном случае каталог близок к академическим изданиям музейных коллекций, в которых перечень и изображения предметов сопровождаются текстовой характеристикой культурного объекта или явления, которое они представляют. Привлекательность ресурса для посетителей определяется не только объемом, но и качеством представляемой информации, а также удобством пользования. Основной целью создания виртуального музея определяется наиболее широкая возможность введения в культурный оборот фондовых музейных предметов, не задействованных в выставочной работе. В музей института передаются только наиболее яркие находки, из которых в экспозиции представлена лишь часть. Однако публикация в Интернете всего собрания – малореальный и не имеющий особого смысла вариант. В виртуальные экспозиции попадает также экспонатура – наиболее яркие предметы. Поэтому проблема презентации музейных коллекций решается лишь отчасти.

Археологический электронный музей «Древнее искусство Сибири» Новосибирского государственного университета (<http://www.mmedia.nsu.ru/museum/index.htm>) – исключительно виртуальный проект. На задачи формирования и публикации электронных баз данных по предметам материальной культуры в данном музее накладывается образовательная функция. С этим связан подбор содержания – значительный справочный аппарат, а также формы организации информации – как курса лекций вместо традиционных экскурсий.

Свои сайты в Интернете, освещающие разные стороны деятельности музея, имеют Музей БНЦ (<http://ngo.burnet.ru/mbsc>) и Историко-архитектурный музей под открытым небом ИАЭТ (<http://openairmuseum.ru>). Сайт Музея БНЦ по своей структуре соответствует основным направлениям музейной рабо-

ты (фондовой, экспозиционной, исследовательской и т. д.). Сайт музея под открытым небом имеет уникальную для научных музеев направленность – новостную. Оба ресурса требуют значительной доработки.

Таким образом, рассматривая деятельность музеев СО РАН, специализирующихся по древней и традиционной культуре народов Сибири, мы можем констатировать наличие взаимовлияний музееведения и источниковедения, в равной мере способствующих развитию этих отраслей. Разрабатываемые археолого-этнографическими музеями технологии (выездные выставки, каталогизация, применение Интернет-технологий, взаимодействие с образовательными учреждениями) приняты сегодня в качестве приоритетных направлений в программе развития музейного дела в СО РАН.

Список литературы

1. Академия наук Союза советских социалистических республик за двести лет: Речь Непременного секретаря С. Ф. Ольденбурга, читанная в торжественном заседании Конференции Академии 6 сентября 1925 года. Л., 1925.
2. Бородавский А. П. Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН // Альманах-2000. Музеи Российской академии наук. М., 2001.
3. Вагенсберг Дж. Основные принципы современного научного музееведения // Cultivate-Russia Web Magazine. Февраль 2003. Вып. 2. <http://www.cultivate.ru/mag/issue2/museology.asp>
4. Винокуров П. В. Якутский краеведческий музей – первое научно-просветительное учреждение края // Наука и техника в Якутии. 2005. № 3.
5. Дудинова Л. Н., Комарова Н. П. Инновационный музейный проект через культурную традицию (из опыта выставочной деятельности Музея БНЦ СО РАН) // Региональные музеи: настоящее и будущее. Улан-Удэ, 2003.
6. Дудинова Л. Н., Лбова Л. В. Научная концепция экспозиции «Наследие народов Центральной Азии: история и культура» (Музей Бурятского научного центра СО РАН) // Альманах-2001. Музеи Российской академии наук. М., 2002.
7. Займан Дж. Реальная наука // Социология науки. Статьи и рефераты / Под ред. С. А. Кугеля. СПб., 2000.
8. Захарова И. В., Смирнова Е. Ю. Коллекция предметов хозяйства и культуры сибирских татар в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета // Словцовские чтения-96. Тюмень, 1997.
9. Колесник Л. М., Пушкина Т. Л., Свишин В. В. ВСОРГО и музейное дело в Иркутске // Краеведческие записки. Иркутск, 2001. Вып. 8.
10. Лбова Л. В. Музей Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук // Альманах-1999. Музеи Российской академии наук. М., 2000.
11. Михалев В. В., Тихомирова М. Н. Образовательная и культурно-просветительная работа в Музее археологии и этнографии ОмГУ // Электронный век и музеи. Омск, 2003. Ч. 2.
12. Мурзинцева А. Е. Академические музеи как современный социокультурный феномен // Региональные музеи: настоящее и будущее. Улан-Удэ, 2003.
13. Мурзинцева А. Е. Роль научных музеев Восточной Сибири в формировании культурного пространства региона: традиции и современность // Образование, культура и гуманитарные исследования Восточной Сибири и Севера в начале XXI века. Улан-Удэ, 2005. Т. 2.
14. Окладникова Е. А. Кунсткамера: концепция развития и Служба связей с общественностью в музее // Музеи Москвы и музеелогия XX века: Тез. науч. конф. М., 1997.
15. Поляков Т. П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции). М., 1997.
16. Томилов Н. А. Этнография и этнографическое музееведение Сибири во второй половине XX в. // Музей и общество на пороге XXI века: Материалы науч. конф., посв. 120-летию Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1997.
17. Шелегина О. Н., Байкова О. Г. О музейной сети Сибирского отделения РАН // Альманах-2001. Музеи Российской академии наук. М., 2002.
18. Parr A. E. Classic: the natural-historical museum // Nordisk Museologi. 1995. № 2.